

БЛЕСТЯЩИЙ АДВОКАТ 2

рассказ

Только не говорите мне, что адвокатское дело – это всего лишь умение «отмазать» клиента от очередной аферы, пьяного ДТП, или максимально сократить срок душегубу, у которого на горизонте маячит пожизненное лишение свободы. Впрочем, у моей свекрови Натальи Владимировны, лучшего уголовного адвоката нашего города, на этот счёт имеется своё мнение.

В то утро у свекрови что-то случилось с компьютером, и она примчалась к нам, чтобы срочно составить адвокатский запрос. Пока Наталья Владимировна барабанила пальцами по клавишам, я отправилась варить кофе. И тут в дверь позвонили. На пороге стояла моя соседка. Как же я люблю эту славную пожилую женщину! Анна Ильинична дружила ещё с моей бабушкой, в курсе всех значительных событий в нашей семье и обожает моего сына, которого знает с пелёнок. А ещё она бывшая прима Оперного театра, и, несмотря на возраст, до сих пор преподаёт в консерватории. Её удивительной красоты и тембра сопрано и виртуозная техника долгие годы радовало любителей классической музыки не только в нашей стране, но и в Европе. К сожалению, мне не довелось услышать ни её Турандот Пуччини, ни её блистательную Царицу Ночи в «Волшебной флейте» Моцарта. Сейчас Анна Ильинична участвует в музыкальных вечерах, где поёт арии и романсы. Её всегда сопровождает толпа поклонников.

Но в то злосчастное утро... господи, что могло случиться у этой милой женщины? Её расстроенный вид перепугал меня не на шутку. Я сразу же спросила:

– Чем я могу помочь?

– Даже не знаю с чего начать... – чуть не плача, сказала Анна Ильинична, устало опускаясь на кухонную табуретку. Тут следует рассказать читателям некоторые обстоятельства из жизни моей соседки.

Муж Анны Ильиничны был известным дирижёром и лауреатом международных конкурсов. Всю жизнь Иван Петрович собирал уникальную коллекцию – постеры, программки, личные вещи выдающихся певцов, актёров, композиторов, музыкантов и балетных прим. Анна Ильинична с гордостью показывала мне шёлковый веер Веры Холодной, фотографии с автографами Шаляпина, Лемешева и Сергея Рахманинова, письма Дягилева, Шостаковича и даже билет на концертное выступление Айседоры Дункан. Книжные полки в её квартире заставлены редкими книгами об истории театра, оригинальными либретто и партитурами с пометками авторов и известных исполнителей. А ещё в квартире Анны Ильиничны стоит кабинетный рояль, на котором играл сам Дунаевский! К сожалению, несколько лет назад Ивана Петровича не стало.

Но Анна Ильинична, несмотря на свой солидный возраст, вовсе не одинока. Вокруг неё всегда друзья, студенты и поклонники. А ещё есть Дима, которого я до недавнего времени считала племянником. Дмитрий Александрович помогает Анне Ильиничне по хозяйству, ходит в аптеку, сопровождает её в театры и на концерты. А после смерти мужа, когда Анна Ильинична буквально слегла от горя, Дмитрий Александрович переехал к ней в дом, кормил из ложки супом и заставлял принимать лекарства. Этот приветливый, с чувством юмора холостяк был мне всегда симпатичен. Он великолепно играет на рояле, бегает по утрам в парке, до поздней осени купается в море и, кроме этого умеет стряпать потрясающий пирог с капустой. По профессии Дмитрий – искусствовед, историк-краевед, театральный критик и вообще человек энциклопедических знаний. Сейчас он приводит в порядок уникальную коллекцию покойного мужа Анны Ильиничны и пишет докторскую диссертацию, постоянно пропадая в городском архиве.

У Анны Ильиничны детей нет, а вот у её покойного мужа имелся сын от первого брака. Мать увезла мальчика в другой город и запретила любое общение с отцом. Это было много лет назад. Но неожиданно...

– Хотите, угадаю? – послышался из соседней комнаты насмешливый голос моей свекрови. – Ваш пасынок вдруг вспомнил об отце и заявился за своей долей наследства...

Оказывается, окончив печатать запрос, Наталья Владимировна внимательно слушала рассказ Анны Ильиничны.

– Передайте этому неожиданному родственнику, что срок исковой давности давно истёк, ни один суд не примет...

– Ах, вы ничего не знаете! – воскликнула Анна Ильинична. – О доле наследства речь не идёт. Игорю нужна моя квартира, причём вся и срочно...

Да уж, квартиры в нашем доме стоят бешеных денег! Мы живём в самом центре города, дом в отличном состоянии, кроме того, это памятник архитектуры XIX века. Мраморная лестница, кованые перила в стиле ар-деко, в просторных квартирах сохранились или камины, или изумительной красоты голландские печи.

– ...Игорь проиграл огромную сумму в казино. Он пригрозил, что отправит меня в богадельню... или как это сейчас называется...

Анна Ильинична всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Гм, странно, – задумчиво пробормотала Наталья Владимировна, принимая из моих рук чашку кофе. – Упечь совершенно вменяемого человека в дом престарелых без его согласия не так-то просто. Давайте спокойно выпьем кофею, а вы расскажете, какие скелеты завалились в вашем шкафу. Только кратко! Меня сегодня с утра клиент в тюрьме дожидается. По дороге я подумаю, кто из моих коллег сможет помочь.

– Итак, перед самой смертью муж Анны Ильиничны заставил Диму поклясться, что он позаботится и о его вдове, и о коллекции.

– Можно подробнее о Дмитрие Александровиче? Откуда он взялся? – спросила Наталья Владимировна.

– Димочка круглый сирота. Его мать работала у нас в театре. Когда ему было лет девять, мать умерла, и ребёнка определили в детский дом. Коллеги поохали и быстро забыли. А мы с мужем решили помочь мальчику. Усыновить его не было возможности, гастрольный график, нас по полгода не бывало дома... – Анна Ильинична грустно улыбнулась. – Дима оказался очень смыслёным и послушным. Мы постарались привить ему любовь к музыке и театру, помогли получить образование, всячески поддерживали. Он стал членом нашей семьи...

– Скажите, а ваш муж общался с Игорем?

– Да, конечно, но я не вмешивалась. Знаю только, что у парня были какие-то неприятности, он постоянно просил денег.

Анна Ильинична замолчала и начала нервно тереть салфетку.

Наступила пауза. У меня чесался язык. Так хотелось посоветовать Анне Ильиничне послать наглеца куда подальше. И тут я взглянула на свою свекровь.

– На первый взгляд дело выеденного яйца не стоит. Но у меня никак не складывается чёткая картинка. Вы явно чего-то не договариваете.

Анна Ильинична побледнела:

– Дело в том, что я... вернее мы... с Димой должны были... вернее с Дмитрием Александровичем, по просьбе моего покойного мужа... он очень просил... – бывшая прима говорила с трудом, в глазах стояли слёзы, а на лбу выступили капельки пота.

– О чём же просил вас покойный муж? – в голосе Натальи Владимировны зазвучали металлические нотки.

Под её пронизательным взглядом даже я поёжилась и заёрзала на стуле. Ох, не завидую тем уголовникам, которых вот так с лёгкой улыбкой на устах допрашивает моя дражайшая свекровь! Действительно, что можно было попросить у пожилой женщины и «архивного юноши»? Ограбить музей? Или здесь какая-то тайна, которой их ловко шантажирует этот негодяй Игорь?

По лицу Анны Ильиничны покатались слёзы.

– Муж не без основания боялся, что после его смерти я окажусь совершенно незащитной. Он так и говорил: «Анюта, я знаю этого прохвоста! Ещё лучше я знаю свою бывшую жену. Поверь, они ни перед чем не остановятся: тебя выкинут на улицу, а мою коллекцию отнесут на помойку!». Поэтому он настоятельно просил нас с Димой... после его смерти... расписаться... стать мужем и женой... фиктивно, конечно. Мой муж доверял Диме и был уверен, что рядом с ним мне ничего не грозит, а его коллекция будет в безопасности. О нашем браке не знал никто! Ума не приложу, как Игорь докопался.

Анна Ильинична перестала плакать и аккуратно вытерла глаза батистовым платочком. Видимо, выражение крайнего изумления на моём лице окончательно её расстроило. Она приготовилась опять удариться в слёзы.

– Выпейте воды и успокойтесь! Теперь мне всё ясно! Я даже знаю, что собирается сделать Игорь. Он подаст в суд о признании вашего брака недействительным в силу большой разницы в возрасте. Ещё он попытается доказать, что Дмитрий – брачный аферист, запудривший мозги пожилой женщине с целью овладения её имуществом. За небольшую мзду у вас, Анна Ильинична, найдут признаки старческой деменции. При таком состоянии требуется особый уход и надзор в специальном медучреждении. Не скрою, у Игоря есть шанс.

Наталья Владимировна выразительно посмотрела на бывшую оперную прима в стареньком байковом халатике, заплаканную и растрёпанную. М-да! Неприятности могут в один момент состарить молодого и крепкого, а что уж говорить о человеке, которому стукнуло восемьдесят?

– Значит у меня, вернее у нас, нет шансов... – в отчаянии пробормотала Анна Ильинична.
– Тут требуется оригинальное решение... мне нужно подумать...
– Вы найдёте мне хорошего адвоката?
– Зачем? Я сама с удовольствием займусь этим делом. Знаете, иногда хочется немного отвлечься от всяких мошенников и бандитов! О гонораре не беспокойтесь, не всё в этой жизни измеряется деньгами.

Все две недели перед судебным заседанием мы провели в беспутных хлопотах. Мы – это я с мужем, оба племянника и даже мой пятнадцатилетний сын, который занялся рассылкой информации и приглашениями по интернету. Поразительно, сколько народу откликнулось на наш отчаянный призыв. Свою помощь предлагали студенты консерватории, коллеги покойного Ивана Петровича, звонившие из других городов и даже из дальнего зарубежья. Кто-то пытался перевести деньги, кто-то советовал адвоката, а кое-кто и заступничество на самом высоком уровне. Горячие головы из числа поклонников и любителей оперы грозились устроить демонстрацию в поддержку Анны Ильиничны перед зданием суда.

Мне было поручено очень ответственное задание – найти хорошего костюмера. На третий день после безуспешных поисков мы с Анной Ильиничной зашли в кондитерскую, выпить кофе и перевести дух, как вдруг...

– Анюта! Душенька! Как я рада!

Нам навстречу, звеня многочисленными браслетами, шла эффектная женщина в костюме модного нынче стиля бохо.

– Юлечка! Я думала, ты у сына в Германии.

– Да вот, приехала кое-кого навестить, – улыбнулась в прошлом одна из лучших портних нашего города.

Выслушав мой крайне сбивчивый рассказ, Юлия Александровна решительно заявила:

– Девочки, я всё поняла! Нам нужна ткань и фурнитура! Не будем терять времени. Кстати, моя внучка недавно окончила курс косметологов-визажистов. Профессиональный макияж тебе, Анечка, не помешает!

– Вперёд, и горе Годунову! – воскликнула словами классика заметно повеселевшая оперная прима.

Моя свекровь, ко всем своим талантам, оказалась ещё и блестящим режиссёром! Всё действие было расписано по секундам. Более того, каждый из участников был обязан выучить свою роль наизусть! Скажу откровенно, я давно не видела такого единодушия и энтузиазма не только у друзей, но и абсолютно незнакомых друг с другом людей!

Наконец наступил так называемый День X! С утра вокруг Анны Ильиничны суежилась Юлия Александровна, что-то подшивая и подгоняя. Затем в квартиру ввалилась худенькая девушка с внушительным баулом в руках. Молча оглядев оперную приму, внучка-визажист решительно надела белый халат. В квартире запахло кремами, лаком для волос и помадой. Мне же досталась весьма специфическая роль кучера. Превратится ли моя машина к концу дня в тыкву? От этой мысли меня кидало в холодный пот!

Точно в назначенное время мы гуськом спустились вниз во двор. Дворник-таджик, убравший тротуар, при нашем появлении замер, вытаращил глаза и выронил метлу.

– Первый пошёл! – смешиливо сказала внучка, помогая Анне Ильиничне сесть в машину.

– С богом, девочки!

Юлия Александровна перекрестила капот моего Фиата.

Стоянка у здания суда была забита до отказа. Но при нашем появлении откуда-то выскочил охранник и махнул рукой, приглашая на резервное место. Пока всё шло по плану. Оставалось только сидеть и ждать условного сигнала. Ах, как же я сожалела, что не присутствую в зале. Ведь именно там сейчас происходило всё самое интересное! Впрочем, вечером мой муж, сын и оба племянника, перебивая друг друга, подробно живописали судебное заседание с самого начала...

Игорь, сын покойного Ивана Петровича, нанял молодого и бойкого адвоката, который при появлении в зале Натальи Владимировны, не смог скрыть своего замешательства. Тем не менее он без запинки прочитал обвинительную речь по бумажке. Как и ожидалось, Дмитрия Александровича обозвали ловким мошенником, сумевшего втереться в доверие к пожилой женщине ради получения богатого наследства. Суду были предъявлены какие-то справки и показания «заботливых» доброжелателей, искренне обеспокоенных судьбой одинокой старушки. Тридцать пять лет разницы – это не смешно, это аморально! В таком почтенном возрасте нужно не о любви, а о спасении души думать. Ну и грехи замалчивать, если, конечно, память сохранилась! Седовласый судья время от времени сочувственно кивал головой. В конце адвокат потребовал для бессовестного афериста самого сурового наказания и максимально возможного срока. Игорь в свою очередь, демонстративно смахнув скупую мужскую слезу, рассказал, как он искренне привязан к мачехе. Конечно же, он заберёт старушку к себе и будет трепетно за ней ухаживать. В его маленькой, но уютной квартире для неё найдётся тихий уголок. Очень трогательно...

Наталья Владимировна сидела рядом с бледным Дмитрием Александровичем, демонстративно уткнувшись в свой планшет. Её лицо выражало полнейшее равнодушие к происходящему. Наконец дали слово адвокату ответчика.

— А знаете, великой Саре Бернар было семьдесят, когда она сыграла Джульетту, — задумчиво сообщила Наталья Владимировна. — Сам Виктор Гюго был так впечатлён её мастерством, что, стоя на коленях, подарил ей браслет с бриллиантами...

— При чём тут какая-то Бернар? — выкрикнул кто-то из зала.

Игорь многозначительно хмыкнул, его адвокат сочувственно покачал головой.

— ...Это так сказать лирическое отступление, — усмехнулась Наталья Владимировна. — Хотелось бы услышать некоторые подробности об уютном уголке для Анны Ильиничны. Насколько мне известно, однокомнатная квартира, где в настоящий момент проживает истец вместе со своей матерью, находится в залоге и со дня на день туда могут нагрянуть судебные приставы. Вот справка, подтверждающая мои слова. Полагаю, Игорь Иванович расскажет нам о своём бедственном финансовом положении и как он надеется поправить дела при помощи наследства покойного батюшки.

По залу прокатился неодобрительный гул. Судья нахмурился и ударил молотком, призывая присутствующих к тишине. А Наталья Владимировна, выдержав МХАТовскую паузу, с иезуитской улыбкой заявила:

— Я хочу задать ещё один вопрос! Скажите, а почему бы нам не выслушать саму Анну Ильиничну?

— Я протестую, Ваша честь! — завопил Игорь. — Женщине восемьдесят лет, она с трудом передвигается, плохо слышит, и вообще, я взываю к вашему милосердию! Зачем таскать по судам старого человека? Вполне достаточно...

Бедняга не успел закончить фразу.

Принято говорить, что нужно вовремя уйти! Поверьте, не менее важно вовремя войти!!! Появление в зале Анны Ильиничны произвело на присутствующих ошеломляющий эффект: наступила гробовая тишина, все замерли в немом изумлении, у Игоря отвалилась челюсть, его адвокат откинулся на спинку стула и закрыл глаза. А в это время по проходу, гордо вскинув голову, шла королева Шотландии Мария Стюарт. Шлейф её длинного тёмно-вишнёвого платья, вышитого по подолу золотыми лилиями, с таинственным шорохом наполнял окружающее пространство удивительным смыслом. Казалось, ещё мгновение и следом за королевой появится блестящая свита придворных дам, за ними благородные рыцари, музыканты.

И даже судья, забыв о своём статусе, подался вперёд, не в силах скрыть эмоции: «Боже! Какая женщина!».

— Простите, я задержалась на репетиции, — своим чудесным, невероятно бархатным голосом произнесла Анна Ильинична и подарила судьбе воистину королевскую улыбку (для тех, кто не в курсе — «Мария Стюарт» — опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти, считается шедевром бельканто).

Господи, что тут началось! Присутствующие вскочили с мест. Кто-то кричал «Браво!», кто-то яростно аплодировал. Высокий мужчина в строгом чёрном костюме преподнёс Анне Ильиничне букет алых роз и благоговейно поцеловал примадонне руку. Это был настоящий триумф! Иск к Дмитрию Александровичу был, естественно, отклонён.

— Друзья мои! — воскликнула Анна Ильинична. — Поверьте, ни перед одной премьерой я так не волновалась, как сегодня... и если бы не вы... такой успех нужно отметить!

Всей толпой мы отправились домой пить шампанское...

Это был удивительный, незабываемый вечер! Анна Ильинична и несколько её учеников устроили нам потрясающий концерт. Дмитрий Александрович оказался отличным аккомпаниатором. Скажу честно, я отбила себе ладони, аплодируя необыкновенно талантливым исполнителем.

В конце вечера Анна Ильинична произнесла задушевный тост:

— Хочу посоветовать всем присутствующим: берегите тех, кто вас любит. Нынче это высокое чувство сбросили с пьедестала, принизили, свели до заурядного и пошлого действия. Но если ваша душа не очерствела, а сердце открыто для этого удивительного состояния, старость и уныние забудет к вам дорогу. И даже если любовь платоническая, а предмет вашего восхищения о ней не догадывается, всё равно не отчаивайтесь! Любовь спасёт вас в трудную минуту! А сейчас, друзья, мы приготовили вам маленький сюрприз.

Тут открылась дверь, и вошёл Дмитрий Александрович с большим румяным пирогом в руках. Комната тут же наполнилась удивительным ароматом свежей выпечки.

— Настоящая пицца богов! — воскликнул кто-то из присутствующих. — Анне Ильиничне очень повезло со спутником жизни.

— Наталья Владимировна, я учусь на юрфаке, — вдруг подал голос юноша, весь вечер сидевший рядом с внучкой-визажистом. — Пожалуйста, расскажите, что для вас в этом деле оказалось самым сложным?

— Коллега! — хитро улыбнулась свекровь, принимая из рук хозяйки дома тарелку с угощением. — Открою свой профессиональный секрет. Самое сложное было договориться, чтобы судьёй на процессе был мужчина...

Гости удивлённо переглянулись. Кое-кто даже перестал жевать.

— Видите ли, молодой человек, по личному опыту знаю, многие женщины в определённом возрасте становятся совершенно невыносимыми и завистливыми стервами. Эта история могла бы затянуться на многие месяцы. Ну а мужчины всегда равнодушны к женской красоте...

ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ

рассказ

Особое место в одесском фольклоре занимают истории, которые начинаются фразой: «И вот летом к нам приехали друзья и их родственники, чтобы искупаться в море...». А что поделаешь? Город у нас гостеприимный, родственников у моих друзей много, народ нужно куда-то устраивать на ночлег, кормить и развлекать. А всё для того, чтобы поездка стала незабываемым событием не только для гостей, но и для самих хозяев!

Итак, в начале лета позвонила моя бывшая одноклассница Наташа и напросилась на недельку в гости. Жизнь занесла Наташу в небольшой городок под Полтавой. Там родилась её единственная дочь, там же три года назад родился её долгожданный внук.

– Нет, ты понимаешь, внуки – это другая жизнь, совершенно другие ощущения и другое измерение! – взахлёб рассказывала подруга. – Алёшенька – наше солнышко, наше счастье, наше всё! Так хочется показать мальчику море!

Вместе с мальчиком посмотреть на море захотела и Наташина сватья Валентина.

– Валечка – такая интеллигентная женщина. Преподаёт музыку, выращивает на даче гладиолусы... А какие кулебяки печёт – пальчики оближешь! – хвалила сватью Наташа и тут же добавила: – У нас с Валечкой не очень много денег, а в сезон цены у вас на жильё... ну, сама понимаешь! Гостиницу мы не потянем... согласны на полу спать... всего на недельку!

На полу спать не пришлось. Мои мужчины всё поняли и без лишних разговоров отбыли на дачу.

Пассажирский поезд прибыл во втором часу ночи. На перроне меня уже ждала подруга с огромным букетом слегка подвявших гладиолусов. Два внушительных чемодана носильщик неторопливо грузил на тележку. Рядом с Наташей стояла худенькая светловолосая женщина в толстых очках с кудрявым малышом на руках. Мы расцеловались.

– А вот и наш Алёшенька! – заворковала Наташа. Я протянула руку, чтобы по-взрослому поздороваться с ребёнком, но тот угрюмо посмотрел на меня и демонстративно отвернулся.

– Устал! – смущённо объяснила Валя.

Мы пошли к стоянке такси. С трудом затолкали один чемодан в багажник машины, второй пришлось ставить боком на заднее сидение. Обе бабушки кое-как втиснулись рядом. Осталось усадить им на колени ребёнка, а мне вместе с букетом расположиться на сидении справа от водителя. И тут Алёшенька, который продолжал демонстративно меня игнорировать, громко заявил:

– Хочу впереди!

– Таким маленьким сидеть впереди нельзя, – спокойно объяснила я.

– Хочу! – взвизгнул трёхлетний малыш и упрямо топнул ножкой. Тут в наш разговор вмешался таксист! Нужно знать настоящих одесских таксистов. Это артисты разговорного жанра самого высокого уровня и квалификации!

– Ша, салага! – хриплым прокуренным голосом сказал мужик. – В этом городе приказываю я. Поэтому, слушай сюда мою команду! Сел взад, закрыл свой рот, не то уедем без тебя, а ты пешком пойдёшь.

Но Алёшенька упрямо полез с ногами на переднее сидение. Бабушки слегка занервничали. Таксист решительно обошёл машину, крепко схватил своей волосатой лапой пацана за шиворот, другой лапой за ноги и ловко сунул его прямо на колени к Наташе. Под умиротворяющие звуки песни «Есть город, который я вижу во сне...» мы поехали ко мне домой!

Утром я проснулась от громкого почти истерического крика. Это орал Алёшенька. Поздно вечером по причине жары его уложили спать голышом. Утром дитя категорически отказалось надевать штаны. Словно злобный карлик, мальчишка метался по квартире в костюме Адама, а обе бабушки безропотно бегали следом. У Наташи в руках была маечка, а у Вали трусики и носочки. Наконец, внука загнали в угол, припёрли к стенке, одели, повели умывать, причесали кудри, усадили за стол завтракать.

– А вот и наша кашка-малашка! – запела бабушка Валя ласковым сопрано и поставила перед Алёшенькой тарелку аппетитно дымящейся овсянки.

– Не буду кашку-у-у! – загундосил мальчик.

– Наташа, свари ему яйцо, – посоветовала я.

– Не буду-у-у яйцо!

– А что ты хочешь, золотко моё? – забеспокоилась бабушка Валя.

– Хочу жареной картошки с колбасой!

Обе бабушки беспомощно переглянулись.

– Маленьким детям вредно кушать на завтрак жареную картошку! Хочешь вкусного творога с клубничным вареньем? – предложила я.

– Хочу картошки-и-и! – заверещало дитя.

– У тебя найдётся пару картошек? – жалобно глядя на меня, спросила Наташа.

Я беспомощно развела руками.

– У вас рынок далеко? – бабушка Валя стала торопливо надевать босоножки.

– Остановок пять на троллейбусе. Учитывая утренние пробки, к обеду успеешь вернуться!

– Что же делать? – чуть не плача спросила Наташа.

– А чем плоха овсянка? Раз не хочет, пусть идёт на пляж голодным...

– Голодным? – хором испугались обе бабушки.

– До обеда как-нибудь доживёт! Щёки у него румяные, попа толстая... Короче, девочки, вот вам ключи, я поехала по делам. Увидимся вечером!

Честно признаюсь, дел у меня в тот день особых не было. Зато было навязчивое желание свинтить куда-нибудь из дома, чтобы не слышать душераздирающий визг Алёшеньки! Господи, его истерические вопли напоминали одновременно крики голодных чаек, дерущихся попугаев и звук работающей циркулярной пилы! Интересно, у этого малолетнего тирана в конце дня глотка не болит?

Вечером меня ожидала вторая часть Марлезонского балета. Алёшенька требовал на ужин мороженого, но хотел мзгть ноги перед сном и жаждал смотреть третью серию какого-то мультлика. Все многочисленные «хотелки» сопровождалась уже ставшими привычными воплями и визгами. Так прошел ещё один день. Передо мной встал вопрос – либо покупать противошумные наушники, либо отбросить все законы гостеприимства и малодушно сбежать на дачу.

Утром я обнаружила на кухне плачущую Валю. Женщина из-за сложной формы астигматизма носила очки с очень толстыми стеклами. Перед сном она их тщательно протирала и бережно прятала в специальный футляр, который оставляла на тумбочке у кровати. Не найдя очки на положенном месте, Валя совершенно растерялась. Без них она была слепа как старый крот! Искать их бедняга могла только на ощупь. К поискам подключилась Наташа, которая обнаружила пустой футляр под кроватью. Сами очки как в воду канули.

– А запасных нет? – осторожно спросила я.

– Были, – вздохнула Валя, – но они разбились ещё в поезде...

– Как это, «разбились»?

– Я их положила в сумку, а Алёшенька прыгал по полке и нечаянно их раздавил.

– Ах, нечаянно...

– Кстати, где Алёшенька? – испуганно спросила Наташа.

Мы нашли мальчика в библиотеке. Высунув от напряжения язык, он рисовал фломастером весёлую рожицу на обложке романа «Война и мир» 1908 года издания. Наташа охнула от ужаса, а я выпала в ступор. До сих пор не могу понять, как Алёшенька умудрился бесшумно снять с полки толстенную и тяжеленную книгу, которая находилась на высоте, вдвое превышающей его собственный рост!

– Скажи, детка, куда ты спрятал очки бабы Вали? – спросила Наташа, отбирая у внука фломастер.

– Не скажу! – буркнул маленький злодей и попытался вернуть себе фломастер.

– Скажи, иначе хуже будет, – пролепетала Наташа. Её угроза была крайне неубедительна. И тут я увидела очки. Они торчали из бокового кармана Алёшенькиных штанишек.

– Ладно, пошли завтракать! – я отобрала у мальчишки очки и пошла на кухню.

– Дай! – заверещал мне вслед Алёшенька.

– Могу дать только в дыню! – рявкнула я, возвращая Вале пропажу.

На завтрак у нас была гречневая каша с маслом, сырники со сметаной и вишневым компот.

– Кашу не буду! – решительно заявил Алёшенька.

– Тогда съешь сырник, – предложила Наташа.

– Не хочу!

– А что ты хочешь?

– Хочу компот со сметаной!

Прежде чем кто-то из нас успел отреагировать, Алёшенька вылил всю сметану в кувшин с компотом.

– Что ты творишь?! – громко возмутилась Наташа. Она схватила внука за руку, но тот ловко крутнулся и... укусил её за палец! Наташа побледнела и в изнеможении рухнула на стул.

– Валечка, отведи Наташу на балкон! Быстро! – решительно приказала я. – Йод и бинт возьмёшь в верхнем ящике трюмо у меня в комнате...

– Сигареты есть? – деловито осведомилась Валя, подхватив Наташу, словно раненого бойца.

– Сигареты и спички на балконе...

Когда они ушли, я повернулась к Алёшеньке. Он спокойно сидел за столом, беззаботно болтал ногами, с любопытством наблюдая, как хлопья сметаны медленно таяли в вишневом компоте.

– Ты сейчас пойдёшь и извинишься перед бабушкой Наташей!

– Не хочу! –

– Меня *не* интересует, что ты *не* хочешь, – я изо всех сил старалась говорить спокойно.

– Не буду! – мальчик зачерпнул полную ложку гречневой каши и отправил себе в рот.

– Иди и извинись! – продолжала настаивать я.

Алешенька отрицательно замотал головой и вдруг со всей силы плюнул в меня слюнявой кашей. У меня потемнело в глазах и на какое-то мгновение, видимо, помутился разум.

– Ах, ты, грязная поганка! Гадёныш! Мелкий засранец! – прорычала я, ухватила трёхлетнего негодяя за его шикарные кудри и поволокла в душ.

– И-и-я-я-а-а! – орал Алешенька, пытаясь лягнуть меня ногой в живот. Я уворачивалась, как могла. В душе специально развернула мальчишку так, чтобы он пяткой ударился об острый край чугунного поддона. Ор перешёл в истерический визг.

Наверняка все видели, как в странах победившей демократии водомётами разгоняют недовольных граждан. Сильная струя воды успешно купирует припадки любой истерии. Включив холодную воду, я направила её тугую струю прямо в открытый рот Алешеньке. Кто-то пробовал кричать под водой? Нет? И не пытайтесь!

– А-а-а - у-у—и-и- кхэ – кхэ- кхэ...а- чхи!

Сначала вопли перешли в тихий скулёж, а потом и вовсе прекратились. А я всё обливала и обливала Алешеньку водой с ног до головы, приговаривая зловецким голосом: – Если не прекратишь обижать бабу Ваю и бабу Наташу, я тебя утоплю! Прямо сейчас! Понял меня? Ещё раз кого-нибудь укусишь, отвезу в больницу, где тебе сделают укол от бешенства! Ты понял?

Алешенька выпучил от ужаса глазёнки и стал усиленно кивать головой. Понял. Я вытерла его насухо большим махровым полотенцем и за руку отвела на кухню. Там уже сидели обе бабушки, которые тоже зря время не теряли. Они от души наплакались, выкурили полпачки моих сигарет, вылили испорченный компот в раковину и сварили кофе.

Примирение конфликтующих сторон прошло в лучших традициях международной дипломатии. Остаток отдыха Алешенька с бабушками провёл просто замечательно! С утра они купались и загорали, после обеда ходили в парк, катались на осликах и даже совершили морскую прогулку на небольшом катере вдоль побережья. А в день отъезда Валя испекла свой фирменный пирог с абрикосами и сфотографировала меня с этим шедевром кулинарии в руках. На прощанье Алешенька твёрдо по-мужски пожал мне руку и пригласил в Полтаву в гости.

На днях позвонила Наташа, благодарила за гостеприимство. На мой вопрос про Алешеньку, понизив голос почти до шепота, сообщила: «Знаешь, иногда на него находит... Ну ты понимаешь, о чём я! Но стоит показать твою фотографию с пирогом, как всё мгновенно прекращается! Мы с Валечкой часто тебя вспоминаем. Спасибо тебе за незабываемый отдых!».

Я тоже часто вспоминаю Алешеньку и вряд ли скоро забуду. Вот такой незабываемый эпизод случился в моей жизни.

СВАТОВСТВО В КАЛИНОВКЕ

рассказ

Люблю встречать своих бывших студентов. Правда, иногда попадаю в неловкие ситуации. Недавно в лифте одного казённого учреждения столкнулась с важным господином, который сначала бесцеремонно меня рассматривал, а потом расплылся в радостной улыбке:

– Вы меня узнаете?

– Э-э-э... не имею чести...

– Из-за вашего неуда меня чуть из института не выгнали!!!

Две дамы, ехавшие вместе с нами, ехидно захихикали. Я холодно пожала плечами. Ну, не могу я всех помнить! Некоторых особо «выдающихся» личностей вспоминать совершенно не хочется. Слава богу, за мою долгую педагогическую карьеру откровенных лоботрясов наберётся совсем немного.

А прошлой осенью на автовокзале столкнулась с молодой голубоглазой женщиной. Причём я узнала её первой!

– Оксана? Неужели это ты?

Женщина смущённо прищурилась, но потом тихо ойкнула и радостно кинулась мне на шею.

– Как я рада вас видеть! Вот еду с детьми навесить моих стариков!

– Ты с Сержем?

– Нет, в этот раз он остался с близнецами дома. Им всего по четыре года. Дорога дальняя...

К нам подошёл смуглый подросток и девочка лет семи.

– Познакомьтесь, мой старший, а это – Мари!

Обращаясь к мальчику, Оксана с улыбкой сказала:

– Сынок, если бы не эта женщина, тебя бы на свете не было...

– Да, это удивительная история, – согласилась я.

В тот год меня сделали куратором группы технологов факультета консервирования. Вообще-то технология консервирования пищевых продуктов – профессия нужная и достаточно сложная. Одна органическая химия чего стоит! Все эти плесени, грибы и дрожжи лично у меня вызывают чувство беспоконья и естественной брезгливости. Хотя я очень люблю сыр рокфор, но от термина «благородная гниль» становится как-то не по себе.

Староста группы Оксана – статная, голубоглазая барышня с пушистой русой косой – была родом из небольшого села Калиновка, что на правом берегу Днестра. Словоохотливая Оксана объяснила, что её село в XIX веке было хутором, жители которого славились своей хозяйственностью. В начале 90-х калиновцы сумели выкупить у разорившихся соседей линию по производству овощных и фруктовых соков. Приобрели по цене металлолома и быстро начали выпускать отличную натуральную продукцию. Оксана собиралась после института вернуться домой и наладить производство детского питания для малышей, страдающих аллергией и низким иммунитетом. Для этого трудолюбивая студентка ходила на лекции известного профессора-иммунолога в мединститут.

Ухажёров, суежившихся вокруг Оксаны, было видимо-невидимо. Особой настойчивостью отличался аспирант кафедры виноделия знойный красавец по фамилии Гагетидзе. Он носил Оксане тюльпаны охапками, а мандарины ящиками. Видимо, кто-то из его родственников успешно торговал на Привозе цветами и фруктами. Но девушка оставалась холодно-безучастной. Пылый грузин нервничал, сох на глазах и едва не завалил малую защиту. Но, как писал классик, «...пора пришла, она влюбилась...». Это случилось в четвёртом курсе где-то в середине марта. Влюблённую женщину можно узнать сразу. По особому мечтательному выражению лица, по удивительному счастливому блеску в глазах. Кем был избранник Оксаны, не знали даже близкие подруги. Но всё тайное когда-то становится явным.

Однажды в весеннее воскресное утро я решила взять сына-первоклассника и пойти прогуляться к морю. Погода выдалась солнечной и довольно тёплой. Природа дышала весной. Наш поход обещал быть приятным во всех отношениях. Маршрут я выбрала хитрый – вдали от мест традиционного гуляния горожан. Спускаясь по безлюдной тропинке, я неожиданно увидела Оксану. Она сидела ко мне спиной на обрубке старого тополя, а рядом сидел широкоплечий незнакомец в джинсовой куртке. Он обнимал девушку за талию и что-то шептал ей на ухо. Чтобы не смущать влюблённую парочку, я решала тихонько обойти их. Тут мой бойкий ребёнок углядел в кустах ежа и с радостным воплем ринулся вдогонку. Оксана и её спутник вздрогнули и дружно оглянулись.

– Доброе утро... А мы, гуляем, – смущённо пролопотала я.

Оксана умоляюще посмотрела на меня и густо покраснела. Неловкую ситуацию спас молодой человек в джинсовой куртке. Он встал и церемонно поклонился:

– Здравствуйте, меня зовут Серж. А вы, догадываюсь, куратор у Оксаночки? Очень приятно познакомиться...

Своё первое впечатление от Сержа я не забуду никогда! Передо мной стоял молодой греческий бог. Тонкие, необыкновенно правильные черты лица, большие миндалевидные глаза, длинные ресницы, стройная высокая фигура профессионального атлета. Осталось добавить, что бог был иссиня-чёрного цвета! От неожиданности я пробормотала первое, что пришло в голову:

– Вы отлично говорите по-русски!

– Спасибо! Но мой родной язык французский. Я родом из той части Африки, которая была колонией Франции.

– Восхищаюсь иностранцами, которые смогли не только хорошо выучить русский язык, но и говорить без акцента...

– Я очень стараюсь, – улыбнулся Серж и на его щеках появились очаровательные ямочки. – У меня очень хорошая учительница.

Серж ласково обнял Оксану. В его жесте было столько трогательной нежности!

Тут к нам подбежал мой сынишка и взволнованно сообщил, что ёжик убежал в норку под деревом и его нужно оттуда вытащить.

– А вдруг это не ёж, а ежиха? – озабоченно спросил Серж. – У неё там детки...

– Что же нам делать? – сын на мгновение задумался.

– Нужно потихоньку отсюда уйти, чтобы не пугать малышей...

– Тогда пошли! – сын бесцеремонно схватил Сержа за руку и потащил вниз по тропинке. Нам с Оксаной ничего не оставалось, как двинуться следом.

Серж оказался славным юношей – тактичным, доброжелательным и невероятно остроумным. Выяснилось, что он учится в мединституте, собирается стать хирургом, любит классическую оперу, прочитал всего Жюль Верна и серьёзно занимается спортом. Непринужденно болтая, мы дошли до песчаного пляжа. Здесь наши пути разошлись. Оксана и Серж решили пройтись вдоль берега, а мы с сыном отправились на прогулочный пирс кормить чаек. Прощаясь, Оксана с тревогой посмотрела на меня.

– Не волнуйся, я умею хранить чужие секреты, – шепнула я.

Они ушли, взвизывая за руки, а я с грустью смотрела им вслед. В моей душе поселилась тревога. Неужели эта милая наивная девочка не понимает абсолютную бесперспективность таких отношений? О свирепых домостроевских традициях нашей замшелой провинции говорить не стоит. Но кто отпустит единственную дочь на край света в Африку? Возможно, я слишком драматизирую, и всё ограничится романтическими прогулками к морю...

После весенней сессии большинство студентов разъехалось. Кто-то на практику, кто-то домой на каникулы. В начале июля Оксана нашла меня на кафедре, где я в гордом одиночестве приводила в порядок отчёты перед отпуском. Она села напротив меня и... горько расплакалась.

– Ради бога, успокойся, скажи, что случилось и чем тебе помочь...

Но Оксана горестно молчала.

– Поссорилась с Сержем?

Она отрицательно мотнула головой и после томительной паузы чуть слышно прошептала:

– Я беременна...

Из-за своей неопытности она пропустила срок, на котором можно было, ну, вы сами понимаете. Сейчас уже поздно и никто не берётся, ни за какие деньги...

– А что по этому поводу думает Серж?»

Оксана не успела ответить. На кафедру, громко хлопнув дверью, влетел Серж. Обращаясь непосредственно ко мне, он решительно заявил:

– Пожалуйста, объясните этой легкомысленной девичке, что я люблю её, очень хочу этого ребёнка и не позволю, слышите, не позволю...

– Во-первых, здравствуй! – одёрнула я горячего африканского парня, – Сядь, успокойся, и давай серьёзно поговорим.

– О чём говорить? – продолжал кипятиться Серж. – Я хочу жениться, хочу семью, хочу воспитывать наших общих детей...

– Хочу... хочу, – передразнила я Сержа. – А чего хочет твоя любимая женщина?

– Разве с ней можно о чём-то говорить? Она или молчит, или плачет. Ей сейчас нельзя волноваться, это я как врач говорю!

– Где жить будете? Общежитие на соседней улице – это временно. В твоей стране тропическая жара...

– Поставлю кондиционеры!

– Оксана – человек серьёзный, – не сдавалась я, – работать по специальности для неё очень важно.

– Куплю консервный завод!

– Папа убьёт меня, – всхлипнула Оксана.

– Сначала ему придётся убить меня! – парировал африканец и глубокомысленно добавил, – Уверен, что смогу уговорить твою семью, и они благословят наш брак!

Тут он продемонстрировал маленький крестик на шелковом шнурке.

– Вот, принял обряд православного крещения!

Кажется, настал момент, когда мне следовало перехватить инициативу.

– А ну-ка, выйди! – скомандовала я Сержу. – Нам поговорить нужно...

– Слушай меня внимательно, – сказала я Оксане, когда за Сержем закрылась дверь. – У каждого человека бывает в жизни момент, когда ему необходимо принять судьбоносное решение. Один легкомысленный поступок может сломать не только твою жизнь, девочка! Не исключено, что ты будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Оксана по-детски помыгнула носом.

– Но когда есть поддержка любящего и преданного человека, можно справиться с любой проблемой.

Оксана закрыла глаза. По её щекам текли слёзы. А я всё говорила и говорила, стараясь не только убедить, но и приободрить и успокоить. Тихо скрипнула дверь. Это на кафедру вернулся Серж, молча сел рядом с Оксаной, крепко обнял её за плечи.

– Представьте, вдруг у вас родится второй Саша Пушкин! Вы будете гордиться этим ребёнком...

Через месяц я получила приглашение на свадьбу. Пока мы стояли перед ЗАГСом в ожидании невесты и её родственников, счастливый жених рассказал мне историю своего сватовства. Влюблённые не предупредили родителей о своём приезде. Решили сделать сюрприз. Надеялись организовать всё тихо и без лишних свидетелей. Как назло по дороге на автовокзал они без конца сталкивались с земляками Оксаны, которые именно в тот выходной день решили прокатиться в город по неотложным делам. С простодушной бесцеремонностью их рассматривали, задавали неудобные вопросы, озабоченно качали головами. Расстроенная до слёз Оксана предприняла несколько малодушных попыток сбежать назад в общежитие. Остаток дороги Сержу пришлось крепко держать любимую за руку.

Непонятно каким образом известие об их приезде долетело до Калиновки с воистину космической скоростью. Мобильных телефонов по тем временам не было, но на станции их уже ждала взволнованная группа селян.

– Оксана-а-а... – запричитала полная черноглазая женщина, – у вас в хате такой скандал...

В толпе согласно закивали головами, зашучукались.

– Эх, девка бедовая! – встрял лысый дед, возле которого топталась свирепого вида мохнатая коза. – Батка твой на горнице *нализ*... А мать убивается... ох, как убивается!

Лицо Оксаны стало белым как мел. Казалось, ещё мгновение, и она рухнет в обморок. Сбылись её самые мрачные предчувствия. Ведь отец полез на чердак, потому что там, в потайном месте, он хранил обрез охотничьего ружья!

Серж честно признался, что в тот момент хотел схватить Оксану в охапку и кинуться обратно в город. Разумеется, он испугался не за себя. Беременной женщине такие стрессы категорически противопоказаны. Но отступить было некуда. Чтобы как-то разрядить обстановку, африканец обратился к присутствующим с пламенной речью.

– Граждане и гражданки, у меня сегодня особенный день! Я приехал свататься...

Присутствующие вытаращили от изумления глаза и окаменели.

– Он по-нашему умеет разговаривать! – всплеснул руками дед с козой.

– Я ещё и петь умею! – сообщил Серж и затыкнул: – Скрылось сонечко за хмарой...

Закончив песню, Серж потребовал, чтобы ему показали дорогу к дому будущего тестя.

– Пошли, сынку, мы проводим тебя, – ласково сказала полная черноглазая женщина.

Оживлённая толпа двинулась по деревенской улице. Впереди бойко топал дед с козой, за ними Оксана и Серж. Остальные дружно шли следом. Миновали новенькую церковь, небольшой промтоварный магазин и облезлое, похожее на длинный сарай здание, за которым открылось футбольное поле. У его края на траве сидели немногочисленные зрители. Человек десять шустрых пацанов старательно гоняли мяч. Игру руководил молодой бородатый мужик в чёрной толстовке.

– Это наш батюшка отец Николай, – голосом профессионального экскурсовода сообщил дед и с гордостью добавил: – Он большой любитель футбола. Команду нам организовал...

– Кто же так бьёт? – вдруг громко закричал Серж, – Дай покажу!

Появление на поле столь необычного игрока привело и зрителей и футболистов в неописуемый восторг. Смотреть на Сержа было одно удовольствие, ведь он не играл, он исполнял удивительно красивый танец с мячом! Когда Серж забил первый гол, все присутствующие буквально взвыли от восторга.

– Молодец, Оксана! – радовались земляки, – какого справного хлопча себе нашла...

– Парень – орел! – подтвердил дед с козой.

Игра продолжалась. Казалось, все жители Калиновки от мала до велика прибежали поглазеть на необычный футбольный матч. Оксана тихонько отошла в сторону. В замешательстве она не знала, плакать ей или смеяться. Внезапно случилась беда. Пытаясь забить очередной эффектный гол, Серж споткнулся и со стоном рухнул на землю.

– Кажется, я ногу сломал, – жалобно сообщил он перепуганной Оксане.

Отец Николай помог Сержу доковылять до медпункта.

– Вывих голеностопа, – констатировал фельдшер. – Гипсом зафиксирую. Недели через три будешь как огурец!

Пока накладывали повязку, Серж и отец Николай о чём-то тихо шептались между собой.

Из медпункта Сержа торжественно вынесли на руках. Его длинная чёрная нога в белоснежном гипсовом сапоге произвела неизгладимое впечатление на селян, ожидавших африканца на улице.

Тем временем в хате у родителей Оксаны бушевали шекспировские страсти.

– Убью падлюку! На порог не пущу! – кричал Порфирий, отец Оксаны.

Опухшая от слёз Марина, жена Порфирия, в отчаянии заламывала руки.

– Сжался, отец, дивчина молодая, куда она пойдёт?

– Раньше нужно было думать! Какой позор на старости лет! *Як людям у глаза дивыттысь?*

Странный шум на улице прервал их малоэффективный диалог. Порфирий пошёл во двор, хлопнув дверью так, что с потолка упал кусок штукатурки.

Взору Порфирия открылась совершенно немыслимая картина! У ворот его дома стояла весёлая толпа селян. А бывший колхозный конюх Семён, почему-то в сопровождении козы, уже проворно открывал его калитку. Увидев Порфирия, Семён радостно заорал:

– Принимай дорогих гостей, хозяин!

– А ну, отойди от моего забора! – заорал в ответ Порфирий. – Я не жду никаких гостей, идите туда, откуда пришли!

Но народ стал гурьбой заходить во двор. Робко, бочком прошмыгнула Оксана. К ужасу Порфирия за дочерью на руках внесли совершенно чёрного человека с белой ногой. Оправившись от замешательства, Порфирий решительно вышел на середину двора и крикнул изо всех сил:

– Не будет моего благословения, так и знайте! И нечего здесь шастать!

– Порфирий, разве можно так с Оксаной? – попытались усовестить его присутствующие женщины. – Парень хороший, в футбол играет...

– Хороший? Тогда сами за него замуж идите! – огрызнулся Порфирий и плюнул себе под ноги.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, но неожиданно во дворе появился отец Николай в рясе с наперсным крестом на груди. За ним семенила матушка Наталья.

– Вот, полюбуйтесь, – принялся жаловаться Порфирий. – Какие нынче дети пошли неблагодарные!

– Уймись! – грозно сказал батюшка. – Этот юноша и эта девушка нашли друг друга и обрели любовь... – отец Николай сделал многозначительную паузу, – ибо все в этом мире совершается исключительно по божьей воле! И на все есть железная воля Бога! Слышишь, Порфирий? Железная!!!

Тут из хаты вышла мать Оксаны в сопровождении матушки Натальи. В руках Марина держала старинную икону, которой благословляли ещё её бабушку. Пока вокруг молодых суетились радостные гости, отец Николай наклонился к Оксане и тихо прошептал на ухо:

– Ребёночка привезёшь крестить ко мне! Поняла?

Оксана благодарно кивнула. Её глаза были полны слёз.

Позже Серж признался, когда фельдшер гипсовал ему ногу, он успел попросить отца Николая о помощи... как православный у православного. А батюшка в свою очередь попросил Сержа помочь ему тренировать деревенскую футбольную команду. Ведь подросткам так важно быть занятыми серьёзным делом и не болтаться на улице.

... Подошёл автобус, в котором Оксана с детьми уезжала в Калиновку. На прощанье мы расцеловались. Обращаясь к сыну Оксаны, я сказала:

– Кстати, нас не представили! А хочешь, я угадаю, как тебя зовут?

Смутный кудрявый паренёк вскинул на меня удивлённые глаза.

– Тебя зовут Саша, Александр... Александр Сергеевич, как Пушкина!